

Мария Хайнц

**ПЕРФЕКЦИОНИСТКА
ИЗ МОСКВЫ**

Мария Сергеевна Хайнц
Перфекционистка из Москвы
Серия «Перфекционистка», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206516

Аннотация

"Nobody is perfect". Кроме Александры. Жизнь москвички успешна и стабильна: школа – с медалью, университет – с красным дипломом, работа – с компьютером. Дорога в будущее вымощена на много лет вперед, день распланирован, квартира убрана, тарелки на кухне выстроены, как солдаты на плацу. За неделю мир рушится: Александру увольняют с работы, уходит молодой человек, на первом же собеседовании ей открывают страшную тайну, имя которой "перфекционизм". Что это? Болезнь или судьба? И есть ли врач или целитель? "Nobody is perfect". Кроме него.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	68
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Мария Хайнц

Перфекционистка

из Москвы

Чем сильнее человек стремится к идеалу, тем дальше он уходит от себя.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

Меня зовут Александра Епишина, и я – перфекционистка. О последнем мне предстоит узнать сегодня – в день, который я потом буду называть не иначе, как «день, изменивший мою жизнь».

А пока я сижу в однокомнатной квартире на окраине Москвы и смотрю из окна на открывающийся передо мной бесконечный лес. Именно из-за него я поселилась здесь. Забралась с арендодателем на тринадцатый этаж типичного для северо-западного района многоэтажного дома, увидела открывающийся из окна вид и сказала: «Остаюсь!» И вот уже больше года я живу здесь. Живу неспешно, не торопясь, потому что знаю, что в один прекрасный день моя жизнь изменится. Обязательно изменится.

Как взрослый человек, я, конечно, понимаю, что бесполезно надеяться на чудо. А я и не надеюсь. Я просто жду письмо. Не вездесущий спам, не рассылку на тысячу человек про секреты женской индивидуальности, а настоящее письмо – с заветными буквами-завитушками, от одного вида которых бросает в волнительную дрожь. Вы скажете, я жду от жизни слишком многого?

Но что в этом сложного? *«Золотая, перламутровая и фильдекосовая Александра...»* Как у Чехова...

Или хотя бы *«Достоуважаемая Александра Анатольевна!*

Искренне рада сообщить Вам о положительном решении Вашего вопроса и принятии Вас на работу. Надеюсь на скорую встречу. Крепко жму Вашу руку.

Ведущий сотрудник отдела кадров ООО «Мобильные сети» Екатерина Авдеева».

Ведь это так просто! Тем более, что ответ после вчерашнего собеседования мне обещали прислать сегодня.

Нажимаю кнопку «Проверить почту».

– Ты же три минуты назад проверяла! – жужжит внутренний голос, который с тех пор, как я уехала от родителей, имеет интонации и тембр маминых нотаций.

– Ну и что? – отвечаю я. – А вдруг именно за эти три минуты пришло письмо, которое изменит мою жизнь?

Ах, даже если и нет... Что из того, если я люблю проверять почту? Есть в этом процессе для меня нечто притягательное, возбуждающее. Как у парашютиста перед прыжком или у игрока на рулетке, который идет ва-банк. Сосуды заполняет кипящий адреналин, желудок сладостно стонет, а эндорфины растекаются по телу, заполняя миг чем-то похожим на счастье. Непрочитанных сообщений нет. Я разочарованно выдыхаю.

Складываю руки в замок, чтобы не начать прибираться. У меня такое бывает, когда я нервничаю или расстраиваюсь. Осматриваю комнату – идеальный порядок. Как жаль... Нужно как-то взять себя в руки! Ставлю гладильную доску – блузку после вчерашнего собеседования поглажу. Она еще

влажная после стирки, но мне нужно чем-то себя занять. С ужасом думаю, что буду делать, если меня не примут на работу. Нужно успокоиться. Чего мне волноваться? Света сказала, что психологический тест – это простая формальность. Все его проходят! И я пройду!

В кармане вибрирует телефон.

– Да, – радостно отзываюсь я. Внутри всё трепещет, как у школьницы перед первым свиданием.

– Привет! – звонит Света – моя подруга с университета, которая меня порекомендовала на должность.

– Когда начинаем работать вместе? – бодро щебечу я.

– Знаешь, там какая-то неувязка, – Света замолкает на секунду, и я понимаю, что свидание мне не светит. – Что-то с тестом не получилось.

– Так я и знала – нужно было все-таки дочитать книгу по психодиагностике! – я подпрыгиваю от негодования, потому что уверяла Свету, что нельзя идти на тестирование без надлежащей подготовки.

– Думаю, просто сбой в программе. Этот тест все проходят. Я попросила Екатерину Петровну принять тебя еще раз. Приходи через два часа.

– Как через два часа?

– У нее другого времени не будет. Успеешь?

– Конечно, успею!

Бросаю трубку и одеваюсь: блузку, костюм – все с иголочки. Хватаю книжку по психодиагностике, чтобы в мет-

ро дочитать. Одеваю ботинки, начищенные с вечера, пальто и солнцезащитные очки «Хамелеон». Смотрюсь перед выходом в зеркало – выгляжу сногшибательно! Конечно, нужно бы взять такси, чтобы не испортить внешний вид поездкой на общественном транспорте. Так бы сделал любой здравомыслящий человек. Но у нас в Москве все по-другому. На такси вероятность добраться вовремя в центр города равна тому, что водитель откажется от платы. Поэтому залезаю в маршрутку, добираюсь до станции метро «Сходненская», в центре пересаживаюсь и из метро спешу к самому высокому зданию на Павелецкой площади. Обгоняю людей с чемоданами, спешащими через подземный переход к вокзалу, и выхожу направо.

– Здравствуйте! – забегаю в кабинет, слегка запыхавшись.

Екатерина Петровна долго смотрит на меня. Наверное, удивлена, как это я так быстро добралась и при этом умудряюсь еще так прекрасно выглядеть! Сияю свежим макияжем, выглаженным костюмом нежно-бежевого цвета.

Особую солидность и лоск мне придают, конечно, новые очки. Излучаю уверенность в себе, как это положено подающему надежды кандидату на место ведущего специалиста отдела проектов.

Екатерина Петровна прикладывает руку к глазу, будто хочет мне что-то сказать.

– Очки? Вам тоже нравятся? Я их недавно приобрела. Можно и на улице носить, и в помещении.

Екатерина Петровна смотрит на меня со странным состраданием. Наверное, ей жаль вчерашней ошибки. Хочет загладить вину.

– Куда мне сесть? – спрашиваю я. – В прошлый раз мне Светлана Леонидовна сказала, что ошибка произошла. Не расстраивайтесь. Это не Ваша вина. Компьютеры есть компьютеры. Я с радостью пройду тест еще раз.

– Здесь можете присесть, – отвечает Екатерина Петровна и показывает мне на стул около окна. Она включает компьютер, запускает программу с тестом и уходит за своё место.

«Что для Вас порядок? Все вещи на своих местах или когда вещи можно быстро найти?» Что-то не помню такого вопроса. Хотя чего тут думать! Конечно, когда все вещи на своих местах! Тогда их можно и быстро найти. Проверяется рабочее качество «аккуратность и склонность к порядку». Меня не проведёте! Я эти тесты теперь сама составлять могу!

Второй вопрос. «Вам нравится работать в команде или индивидуально?» И этого вопроса вчера не было! «Индивидуально», – чего тут думать?! Самостоятельность проверяют. «Вы оставляете с утра посуду немытой?» При чем тут посуда? Может быть, аккуратность еще раз проверяют? Ничего не понимаю... Нажимаю на «Никогда» и иду к Екатерине Петровне.

– Опять какая-то ошибка, – говорю я, показывая на компьютер. – Про посуду немытую спрашивают... Я же не посудомойкой на работу устраиваюсь.

Екатерина Петровна подходит к моему месту и щелкает мышкой по экрану.

– Всё работает. Можете садиться.

– Но это не тот тест!

– Да, я поставила другой тест. Это нормальная практика, чтобы не было искажений результата. Не волнуйтесь. Это очень точный тест.

Молча опускаюсь на стул и приступаю к четвертому вопросу. «Раздражает ли Вас, если коллега по работе возражает Вам?» Еще как! «Да!» «Да!!!» «Да!!!!!»

Через полчаса всё готово, ощущаю себя сдувшимся воздушным шариком, но виду не подаю. Выпрямляю спину, распрямляю складки на юбке. Поправляю очки. Подхожу к столу Екатерины Петровны и сажусь на стул рядом. Она, словно, не замечает меня – говорит по телефону, очевидно, с одним из кандидатов. Всего лишь говорит! Я бы на её месте уже на столе прибралась. А она теряет время. Примут меня на работу, я сразу посоветую руководству провести тренинг по офисной эффективности. Как можно проводить собеседования с таким ворохом бумаг на столе?

– Вы готовы? – слышу голос Екатерины Петровны.

– Да.

– Тогда можете идти, – она забирает из моих рук сложенные бумаги и показывает рукой в сторону двери.

– У меня к Вам небольшая просьба, – я не выпускаю бумаг из рук. – Не могли бы Вы мне дать посмотреть результаты

теста? Не каждый день предоставляется такая возможность узнать о себе, – делаю паузу, чтобы подыскать подходящее слово, – правду.

Отпускаю бумаги, Екатерина Петровна начинает нервно рассовывать их по лоткам. У неё такая же слабость к уборке при крайнем волнении, как и у меня?

– Возможно, вам не понравится результат. Программа составлена так, чтобы выявить недостатки претендента, а не его достоинства, – говорит она, продолжая убираться.

– Это же замечательно! – я вскакиваю со стула. – Я люблю недостатки! То есть я люблю их исправлять! – кричу я радостно, беру еще два листка со стола, кладу их друг на друга и подаю Екатерине Петровне. – Я такой человек: никогда не останавливаюсь на достигнутом. Всегда стремлюсь выше, лучше...

– Спасибо, я тут как-нибудь сама... – она берёт мои листки, торопливо хватая мышку и нажимает на кнопку. Принтер выплевывает бумажку с текстом на полстраницы. Екатерина Петровна тщательно проводит белым маркером по последнему предложению, свертывает бумагу втрое, запечатывает в конверт и протягивает. Этот жест означает только одно – собеседование закончено.

– Мы Вам позвоним, – говорит она с тем же выражением лица, с которым встречала меня.

Охранник провожает меня к выходу. Я чувствую себя важной персоной, которую везде сопровождают. Почти ко-

ролевой. Мне даже это нравится. Возможно, когда-нибудь так и будет. Через несколько лет у меня будет собственный телохранитель и водитель, и помощник...

На выпускном устройстве загорается зелёная стрелка. Я делаю несколько шагов вперед, и вдруг неожиданная мысль из будущего заставляет меня остановиться между двумя железными ножками турникета. Как пешеход, переходящий дорогу на зелёный свет, каменеет при виде надвигающегося на него автомобиля, так и я застываю, невольно представляя, как очень скоро точно такая же стрелка будет загораться для меня каждое утро, только в противоположном направлении. Через неделю у меня начнется совсем другая жизнь! Новая работа. Шикарный офис. Надежная компания. Я стану большим начальником. И у меня будет свой помощник, водитель и телохранитель...

– Девушка, вернитесь на землю!

Я вздрагиваю. Зелёная стрелка нетерпеливо мигает. Позади меня kloкочущая очередь из сотрудников.

– Вы мне? – спрашиваю охранника.

– Кому же еще? Проходите, не задерживайте людей, – отвечает пожилой мужчина и странно смотрит на меня – так же, как Екатерина Петровна. Да что они – все сговорились?

Прохожу вперёд и снова останавливаюсь. Народ валит из всех дверей и переходов, как живность с тонущего корабля. Десять минут седьмого, а они уже тут как тут! Когда я начну здесь работать, буду задерживаться допоздна, как полагается

начинающему, подающему надежды сотруднику. А как иначе можно набраться опыта и заслужить доверие начальства? Именно так я делала на прошлой работе. До сих пор не понимаю, почему меня уволили. Столько сил положено, столько переработок зря, столько театральных постановок пропущено. Я понимаю, что кризис, все поставлены на грань выживания. Но почему с этой грани в братскую могилу с другими безликими офисными сотрудниками свалилась именно я (единственная из нашего огромного кабинета), до сих пор не могу понять.

Стою в холле, не решаясь выйти на улицу. Конверт обжигает руку, как противень с пирогом из печки: и бросить нельзя, и держать нет никаких сил. Мне нестерпимо хочется открыть его прямо сейчас, однако нужно «держат марку». Вдруг Екатерина Петровна пойдет домой? Подумает, что я несдержанная особа. Решение-то о приеме на работу ведь еще не принято.

Открываю входную дверь, ловко прячусь за ней и одним движением высвобождаю вожделенный листок. Первым делом бросаю взгляд на заклеенное предложение. Странно... Что тут может быть секретного?

«Результаты психологического теста. Собеседование на место ведущего специалиста отдела проектирования. Испытуемая: Александра Епишина. *Предъявляет завышенные требования к окружающим*», – первая фраза оглушает меня взрывом гранаты. Чувствую, как нижняя губа выпячи-

вается вперед. Усилием воли «закатываю» её в рот, но она предательски выползает обратно и начинает трястись. Делаю несколько шагов по лестнице вперед и снова останавливаюсь.

Кто-то из выходящих распахивает дверь и больно ударяет меня по плечу. Молодой человек в несуразной зелёной куртке бормочет под нос: «Извините» и бежит дальше. Если бы я предъявляла завышенные требования к окружающим, я бы сейчас его догнала и по шее надавала! А я стою и спокойно читаю дальше. Надо же, какой наглец! Толкнул и дальше побежал! А я тут умирай от увечий и переломов...

«*Стремится к справедливости в жизни*», – читаю дальше. Вот это уже гораздо лучше! Я с облегчением выдыхаю. Это они тонко подметили. Будто из тысяч черных клавиш нажали на одну единственную верную – белую. Наверное, программа сначала выдаёт негативные результаты, а потом положительные. Отлично! Таких здесь целый абзац. Я мысленно прощаю всех психологов, которые составляли тест, и молодого человека в несуразной зелёной куртке. Может быть, он сильно торопился: на экзамен или тест, как у меня... Если встречу его еще раз, то обязательно скажу ему что-нибудь хорошее. Обязательно...

Возвращаясь к прочитанному предложению и на ходу дорабатываю формулировку: «стремится к справедливости, порядку и чистоте в жизни». Вспоминаю, как оставила кухню сегодня утром: плита блестит, тарелки – как солдаты на

плацу, выстроены по росту в порядке убывания, выглаженные прихватки и полотенца висят на крючке, в холодильнике продукты размещены строго в соответствии с инструкцией производителя. Да, справедливость в жизни не может существовать отдельно от порядка и чистоты. Они – основа всего, бетонный фундамент, или, по крайней мере, важная его составляющая.

«Стремится к справедливости в жизни, – продолжаю я в предвкушении новых комплиментов, – доводя это стремление до изощренного педантизма. Порядок становится самоцелью».

Комкаю лист и швыряю его в урну. Вот вам ваш порядок! Гордо шагаю дальше. Боковым зрением замечаю, что бумага опускается за метр от намеченной цели. Чёрт! Иду дальше. Намусорила на улице. Иду дальше. Надо бы поднять. Еле переставляю чугунные ноги. Всё-таки центр столицы. Что приезжие подумают? Какой пример я им подаю? А если тут мама случайно прогуливается?

– Это Ваше? – слышу женский голос сзади. Вздрагиваю и оборачиваюсь. Слава Богу, не мама!

– Екатерина Петровна! Что Вы здесь делаете? С работы идёте?

«Марку держать»! Делать вид, что это не моя бумажка.

– Александра Анатольевна! – Екатерина Петровна из отдела кадров протягивает проклятый листок. – Вы обронили...

– Этот? Из кармана, видимо, случайно выпал. Письмо из налоговой.

– Да, я понимаю, – Екатерина Петровна многозначительно кивает и идет дальше.

– Всего хорошего! – кричу ей вдогонку, разглаживаю письмо и глубоко вдыхаю, как перед прыжком с вышки. У меня такое ощущение, что если я сейчас прыгну, то больше не вынырну. То есть вынырну, но это уже буду не я. Ныряююююю...

«Беспокоится по мелочам. Отличается повышенной критичностью. Склонна преувеличивать. Творческое начало уничтожается стремлением довести любое действие до идеала и повышенным вниманием к мелочам и концентрированием на ошибках. С таким человеком сложно работать в команде, он гонится за наилучшим результатом, не учитывает потребности других и очень восприимчив к критике. Не замечает очевидного, предпочитая скрываться от действительности в мечтах и мыслях, не имеющих отношения к реальности».

Под плечом неприятно хрустят пожухшие объявления. Морщась, я отталкиваюсь от бетонного столба и стряхиваю с рукава засохший клей. Не может быть, чтобы это была я – отличница в школе, красnodипломница в институте, чемпионка Москвы по фигурному катанию среди детей до десяти лет. От своих недостатков я не отказываюсь и согласна их исправлять! Но не в таком же количестве! Это снова ка-

кая-то ошибка. В голове закипает. Какой-то вихрь подхватывает меня, и я несусь по направлению к метро.

– Екатерина Петровна! Екатерина Петровна! – я останавливаюсь перед специалистом отдела кадров. – Мне кажется, что произошла ужасная ошибка. Это не я! Это чудовище какое-то! Просто ошибка. Такое бывает с компьютерными программами. Единичка, нолик, нолик, единичка. Знаете, там не сошлось, а человек представляется соломенным страшилищем, бездушным дровосеком. Я не спорю. Такое бывает. Ошибка. Нужно еще раз повторить. Наверняка у вас есть еще один тест. Скажите мне его точное название, и я пройду его завтра на отлично!

– Какая ошибка? Какое «отлично»? – Екатерина Петровна останавливается и с удивлением смотрит на меня.

– Ошибка с тестом. Как в первый раз!

– В какой первый раз? Пустите меня! Я опаздываю на электричку!

Екатерина Петровна ускоряет шаг, я тоже.

– Света мне сказала... Светлана Леонидовна, сказала, что первый раз была ошибка с тестом...

– Никакой ошибки не было. И первый, и второй раз результат был однозначным. Просто Светлана Леонидовна попросила, я не могла отказать.

– Но сегодня был другой тест...

– Тест другой, но суть – одна и та же! Тест не ставит оценок. Он определяет суть человека. Вы – перфекционистка. А

у нас таких не берут. Не расстраивайтесь... Где-то наверняка Ваши качества пригодятся... Клининг, системы контроля, но не у нас. У нас ценится работа в команде, творчество и люди, которые разрешают себе ошибаться. А Вам этого не дано. Извините... Мне нужно спешить на поезд. Прощайте. И еще... У вас очки сломались.

Останавливаюсь. Снимаю очки и долго смотрю на них. Мне кажется, что я сейчас задохнусь. Одного стекла нет. Вот почему они все на меня так странно смотрели! И я ничего не заметила! Проклятые «хамелеоны»! Господи, как же глупо я выглядела! Королева с телохранителем! Выдыхаю тонкой струйкой, будто передо мной стоит дымящаяся тарелка с супом, причем супом молочным – приторно сладким, с ненавистной пенкой. К желудку подступает тошнота. Господи, только не в самом центре Москвы! Только не я! Только не в лучшем костюме!

– Света! Ты? – останавливаю трезвон телефона.

– Я. Ну как?

– Плохо! У меня стекло из очков вылетело!

– Мне очень жаль. А тест? Прошла?

– Да, но на другую должность. «Клининг» называется. Екатерина Петровна считает, что я больше подхожу для этой профессии.

– Клининг? – недоумевает Света.

– Да, это новая профессия такая. Очень перспективная.

– Извини, мне начальник звонит.

В телефоне звучит «Полонез» Огинского. Присаживаюсь на скамейку рядом с ларьком. У ног моих оказывается недо-еденный кем-то лаваш. Как же мне плохо! Мне совершенно безразлично, что он портит внешний вид улицы. Смотрю на отражение в витрине напротив. Мимо мелькают ноги рабочего люда.

– Вы не будете? – слышу голос справа.

– Что? – непонимающе смотрю на закутанного в обноски мужчину.

– Лаваш не будете доедать?

Встаю и несусь подальше от бомжа. Неужели я похожа на человека, который будет доедать лаваш с тротуара? Господи! А ведь и меня скоро ждёт такое будущее! Буду ходить по городу и доедать чужие лавашки! Господи! Что скажет мама? Я безработная!!! И меня никуда не берут! Мне не дано работать в команде! Придется работать одной – сдавать пустые бутылки!!!

– Ты еще здесь? – слышу голос Светы в телефоне.

– Нет, уже клинингом занимаюсь – на дне Москвы реки. Слышишь: буль-буль...

– Ну, если еще шутить можешь, то всё не так и плохо.

– Нет, ты представляешь! Сколько на меня сегодня неприятностей свалилось! Очки, клининг и в довершение она меня обозвала перфекционисткой!

– Да как она смеет!

– Вот именно! Кстати, ты не знаешь, кто это?

– Перфекционист – это тот, кто пытается всё делать на высшем уровне, как можно лучше!

– Так это я и есть! Что же в этом плохого?

– Давай встретимся в восемь в «Дантесе» на Мясницкой. Обсудим. Я тебя кое с кем познакомлю.

– Твоя новая пассия?

– Что-то вроде того...

Света отключается, а я прячу телефон в сумку и расправляю скомканную бумагу с результатами теста. Наверное, всё-таки лучше её разорвать в клочки, чтобы избавиться от обиды на всех и вся или еще лучше – сжечь, но... Пусть постоит. Нужно подождать какое-то время и всё пройдет, как проходила любая черная полоса в моей жизни. Только эта – какая-то особенно долгая, жестокая и безысходная. Силюсь вспомнить, когда она началась... В прошлый четверг? Всего лишь неделя прошла? Мне кажется, что она тянется вечность.

Глава 2

Четверг, неделя до того дня, который изменил мою жизнь

Как идеально отметить годовщину совместного проживания молодой пары? Ведь дата эта не такая простая, как может показаться на первый взгляд. Именно в этот день наступает пора осознать всю серьезность намерений. Мужчине, конечно! Потому что женщина всю эту кухню от рождения понимает. Как говорит моя мама: «Кольцо или пролежни на диване». Поэтому к подготовке нашей годовщины с Вадимом я отношусь со всей серьезностью и скрупулезностью.

Сию на работе и с самого утра выбираю подходящее блюдо на ужин. Уже целую неделю. Нам на тренинге по правильному распределению рабочего времени объясняли, что самую важную работу нужно обязательно делать с утра. Только сейчас я поняла, насколько они правы! Если утром я нашла подходящий рецепт, то вечером у меня есть время его опробовать. По-другому никак! Испробовала уже семь рецептов, но не нашла ни одного достойного сегодняшнего вечера.

– Ну и задачка у меня сегодня, – слышу голос Ивана – моего коллеги по отделу.

– Да уж. Врагу такого не пожелаю! – я смотрю на картинку с жареными куриными грудинками, шпинатом под яблочно-виноградным соусом.

– Задал нам шеф задачу!

– Какую задачу?

– А ты еще не заглядывала в офисную почту?

– Нет, у меня сегодня с утра аврал – с Вадимом годовщина! – поясняю я. – И, похоже, близится катастрофа!

– Какая? – Иван уже готов перелезть через компьютер, чтобы узнать все подробности.

– Не знаю, что приготовить на ужин!

– Ах, эта! – Иван садится обратно на стул и начинает что-то быстро печатать.

Иван – неплохой человек, но он мужчина, и это его основной недостаток. Будь он женщиной, мог бы мне посоветовать пару рецептов, но он, как все мужчины, на самом ответственном месте отворачивается и делает вид, что ничего не было.

Ну, хватит ерундой заниматься, за работу! Жаркое с мясом. Вкусно, но банально. Ризотто с белыми грибами. Делали уже...

В кармане вибрирует телефон.

– Он? – Иван понимающе смотрит на меня.

– Да, – произношу обворожительным голосом, не сомневаясь, что позвонить мне с утра на сотовый может только Вадим.

– Ты что сегодня не на работе? – как обухом по голове, бьет меня звонкий голос Светы.

– Да, дорогой! Конечно я на работе! – громко говорю я,

многозначительно смотрю на Ивана и выхожу в коридор. В коридоре расхаживают три молодых человека. – Извини, я тебя с Вадимом перепутала.

– Ничего! Поздравляю с годовщиной!

– Спасибо! Нас уже двое.

– В смысле?

– Из тех, кто об этом помнит.

– Понимаю... Значит вы не на Тенерифе.

– Нет, по крайней мере, я.

– А ты думаешь, он помнит про вашу годовщину?

– Не сыпь мне соль на ужин. Тем более, что я еще пока не знаю, что приготовить. Я ему целую неделю напоминала: мохито делала, который мы на первом свидании пили, в метро его в засос целовала, как год назад, бельё в полосочку надевала, как... Обойдемся без подробностей, я тут не одна.

«Молодой человек, – обращаюсь мужчине, завывающему в трубку телефона колыбельную, при этом покачиваясь при этом из стороны в сторону, как кулон гипнотизера. – Вы совсем стыд потеряли? Поете на работе!»

– Тут ребенка по телефону укладывают, – возвращаюсь к Свете. – Вообще, я напомнила ему, как могла. Думаю, даже если бы он не понимал всю серьезность ситуации, теперь её осознал и готовит мне сюрприз. Только меня очень беспокоит, что делает он это очень тихо, осторожно. Даже слишком.

Я возвращаюсь в наш огромный open-air вместе с горе-отцом.

– Уложили, – шепчет он мне, счастливо улыбаясь.

– Поздравляю! – отвечаю я и представляю себе, как Вадим звонит с работы и убаюкивает нашего малыша. Как мило! У нас будет ребенок! Когда-нибудь будет, конечно... Не сейчас... Мне кажется, нам уже пора узаконить наши отношения. Более подходящего момента не найти!

Кольцо, руку и сердце! Нет, наоборот: сначала руку и сердце, потом кольцо. Так правильно. Впрочем, какая разница? Лишь бы он не забыл про нашу годовщину!!! Мне же ему тоже нужно будет что-то подарить! Диван у нас совсем прохудился... Надо посмотреть в интернете...

Почему у меня в такие романтические моменты всегда возникают абсолютно неромантические мысли? Например, когда Вадим первый раз меня поцеловал, я думала только о том, осталась ли у меня после вечернего макияжа помада на губах. Вадим на такие тонкости (как потом оказалось, как и на все остальные) внимания не обращал. Он поцеловал меня на станции прямо перед отправлением состава, да так, что все мое чудо косметического искусства, которое я наводила в туалете на работе не менее часа, размазалось по щекам. Я провожала его округленными от ужаса глазами (он, конечно, подумал, что это я так восхищение его незаурядными способностями выражаю). Как только поезд скрылся в туннеле, я забралась в угол вагона, открыла зеркальце и решила, что такой неаккуратный молодой человек мне не нужен. Света, правда, меня потом переубедила дать ему второй шанс. И он

его не упустил. Нашел мою секретную эрогенную зону – мохито, и я не устояла.

Ах, это будет волшеббно! Он приходит с работы пораньше, вручает огромный букет красных роз, целует, с улыбкой моет обувь, ставит её на газетку, проходит в комнату, одевается в домашнее, без напоминаний раскладывает вещи по своим местам, предлагает помощь в подготовке вечера. Мне не нужно ничего говорить – он всё читает в моих глазах. Ставит на середину комнаты стол-книжку, достает белоснежную скатерть, которую мы растягиваем, как простыню. Смотрим друг на друга и не можем оторваться, руки наши, наконец, пересекаются. Вадим тащит меня на диван, я его – на кухню.

– Сначала сюрприз! – шепчу.

– Какой? – отвечает он, тяжело дыша от нетерпения.

– Кулинарный!

Вадим в восторге от нового блюда. Тут за окном раздаётся звук мотора самолета. Мы выглядываем, и я вижу подсвеченный плакат: «Выходи за меня замуж!» «Но ведь над Москвой запрещены полеты авиации! – бурчит голос мамы во мне. «А я на самом краю Москвы живу! – парирую я. – Как раз по ее границе пролетает самолет – так-то!» Вадим тут же падает на колени и достает из кармана огромное кольцо. Я не могу отказаться. На меня смотрят глаза... Глаза шефа! Чёрт! Я же на работе!

– Александра, задание моё получили?

– Да, – выдавливаю из себя.

Господи! Он говорит со мной! Впервые за последние две недели.

– Хорошо.

– Срок вы не указали. Значит, задание несрочное?

– Не указал. Как сделаете, так и перешлете.

Значит, отложим задание на послеобеденное время, потому что, как нам объяснял специалист по правильному распределению рабочего времени, если у вас осталось 15 минут до обеда, лучше и не начинать крупное задание – это время обычно тратится, чтобы по-хорошему включиться в работу. Поэтому ищу дальше рецепты и не иду на обед!

Через час безысходности нахожу котлеты по-гречески. Вадим когда-то похвалил их после вечеринки в ресторане. Вот это будет настоящий сюрприз!

Около двух начинает сильно болеть голова. Очень кстати.

– Ваня, мне что-то нехорошо. Я сегодня пораньше уйду. Мы же можем раз в месяц уходить пораньше, не отпрашиваясь?

– Конечно! А задание от шефа доделывать не будешь?

– Завтра с утра доделаю. Оно же несрочное. А у меня сегодня годовщина... Фарш еще нужно купить и сыр особый. Прикрой меня, если что.

Ваня кивает, и я выбегаю на улицу. Захожу в магазин, покупаю продукты, красивые салфетки, бумажные декорации. Сегодня всё должно быть на высшем уровне! Котлеты по-гречески! Делаю фарш, смешиваю с яйцом, орегано, перцем,

солью. Нарезаю сыр Feta тонкими слоями. Раскатываю фарш на фольге, кладу сыр на одну сторону фарша, второй закрываю и выкладываю на шипящую сковородку. Первые котлеты получаются неровными, и я их оставляю для кота моих родителей. Если Васька откажется, так папа съест. Он у нас совсем неприхотливый.

Прошедшие конкурсный отбор котлеты я помещаю на фарфоровое блюдо, подаренное мамой для торжественных случаев. В желудке урчит, я тянусь к одной, чтобы попробовать, и тут же слышу строгое мамино: «СТОП!». Она никогда не разрешала нам с папой брать что-либо с тарелки, пока не придут гости.

– Хоть одну, самую маленькую! – прошу я.

– Сейчас наешься, потом за столом будешь ушами хлопать. Сладкого тоже нельзя. Аппетит перебеёшь.

– Не перебую, – хнычу я.

– Иди лучше, пыль с растений вытри. За день нападало, как снега в непогоду!

Стираю пыль и замечаю, что уже шесть вечера. Быстро протираю полы, накрываю на стол, навожу марафет. Часы показывают семь. Пишу Вадиму первую смс. Ненавязчиво, как говорила Света: «Успеваешь ли сегодня на ужин?». Восемь вечера. Звоню ему. Тоже ненавязчиво – три гудка. Восьмой раз. Тишина. Сажусь на диван и вытягиваю уставшие ноги. Включаю телевизор. Девять вечера. По телевизору передают новости.

Возможно, он организывает что-то совершенно необычное! Зачем ему мешать? Этакое грандиозное, что мне и в голову прийти не может? Хотя что может прийти мужчине в голову, о чем не успела подумать я – женщина? Предложить руку и сердце, одев мне на руку кольцо во сне?

По телевизору показывают московский вытрезвитель. Пьяный мужик орет в микрофон, что он любит свою девушку и просит её выйти за него замуж. Вглядываюсь в лицо мужика – не Вадим. А жаль. Перехожу с одного канала на другой. Ищу сообщения из других вытрезвителей. Телеведущая сообщает, что погода сегодня хорошая. Сухо и тепло. Поэтому нет разрывов труб в центре города и других аварий, которые могли бы помешать ему добраться до меня (а такое в Москве бывает часто). Ни снегопадов, ни града, ни нападений инопланетян, ни конца света! Чёрт побери!

Просто не верится, что он мог забыть! Иду на кухню и начинаю прибираться. Топлю горе вместе с любимым кофейным набором на дне раковины из нержавеющей стали. Хорошенько смочив, вытаскиваю белое фарфоровое чудо, шмякаю по нему губкой, густо смоченной в зелёном пенящемся геле, долго вожу рукой по часовой стрелке, время от времени глубоко вдыхая приторно-сладкий искусственный аромат яблока. Если бы в жизни всё было так чисто, воздушно и пенисто, как на моей кухне, тогда бы она была действительно прекрасной.

Входная дверь скрипит, и на пороге появляется грузная фигура Вадима. Электронные часы показывают полночь. Мой благоверный неуверенными движениями шарит по стене рукой в поисках выключателя. Как устал, бедный. Может, корзину цветов через всю Москву тащил на себе? Машина сломалась? После короткого щелчка яркий свет проникает из коридора в комнату. В руке бутылка пива, по которой пена стекает на чистый пол. У меня внутри всё переворачивается – ведь так и оставит, не уберет за собой!

Вадим снимает ботинки и бросает их в угол. Краем глаза замечаю в его действиях какое-то остервенелое удовольствие, как у подростка, который, наконец, во время отпуска родителей дорвался до запретных компьютерных игр. Всё-таки он в глубине души не приемлет порядок. Особенно мыть обувь не любит.

Решаю не подавать голоса до полного выяснения ситуации. Вадим, немного помедлив, поднимает ботинки с пола, потом, ругаясь, швыряет их на газету, рядом с моими чистыми изящными сапожками. Не любит порядок, но старается его придерживаться. Значит, у нас еще не всё потеряно. Напевая под нос какой-то иностранный шлягер, он проходит в комнату и, не раздеваясь, падает на диван. Острый запах лука, смешанного с водкой, добирается до моего чуткого но-

сика.

– Вадим, я возмущена твоим поведением! – не выдерживаю я. – Почему ты бросил ботинки?!

– А я думал, ты спросишь, почему я так поздно и не вспомнил про нашу годовщину?

– Про это я тоже хотела спросить. Всё по порядку. Как ты мог?! В такой день! Да ещё налил пиво на чистый пол!

– Мужу дали восемь лет. Ему двадцать пять светило. Шеф пригласил нас отметить это дело. Мы отметили...

– Конечно, наша годовщина с этим сроком ни в какое сравнение не идет, но мог бы и предупредить! – обиженно заявляю я.

– Мне всё равно, – говорит он серьезно, будто и не был пьяным. – Я ухожу от тебя.

– Как? Но почему?

– Я здесь задыхаюсь.

– Давай я открою форточку?

– Дело не в форточке! Как ты не понимаешь?! Я не могу жить с женщиной, которая спрашивает меня сначала про грязные ботинки, а потом о том, почему я забыл про годовщину. Мне всё время кажется, что ты любишь кухонную плиту и посуду больше меня. И ещё: я ненавижу мыть обувь в раковине.

– Ну, если дело только в раковине. Специальный тазик купим. Это ты отлично подметил! В раковине неудобно. Видишь, ты начинаешь вносить рационализаторские предложе-

ния! У нас много общего! Нужно только поискать! И я готова идти на компромиссы! Хочешь? Хочешь, я буду мыть твою обувь!

– Идея неплохая. Завтра я скажу, куда перееду. Обувь буду оставлять за дверью.

Глава 3

Пятница, еще 6 ночей до дня, который изменил мою жизнь

На велюровом, цвета синих чернил диване, лежит спящий Вадим и слегка похрапывает. Ночью он сказал, что уходит. Женщины обычно в такой ситуации рыдают, швыряются сковородками и тарелками. Конечно, у них нет новых сковородочек WMF и тарелочек Villeroy Boch. Нет, только не они. И кастрюльки я недавно поменяла, и кофейный сервиз. Был старый чугунный котелок от хозяина. Жаль, я его выбросила на прошлых выходных. Можно было бы для порядку надеть ему на голову.

С дороги слышится нарастающий с каждой минутой гул машин. Город продирает глаза перед последним рабочим днем недели. Сегодня не нужно нести вещи Вадима в ванную – он в них спит. А может быть, и не так плохо, что он уходит? Его неаккуратность сводит меня с ума.

Смотрю в зеркало и радуюсь, что новый пеньюар за ночь ничуть не помялся, и вечером его не придется гладить. Надо почаще спать раздельно. Говорят, это значительно улучшает сон, и, как оказалось, внешний вид. Захожу в ванную – всё на своих местах: щетки, паста, никаких следов на раковине. Красота! Сколько преимуществ у холостяцкой жизни, а ведь Вадим даже еще не выехал из квартиры! Включаю душ, что-

бы вода нагрелась, снимаю ночную одежду, аккуратно складываю её в шкафчик, беру оттуда резинку для волос, забираю волосы в пучок, надеваю прозрачную полиэтиленовую шапочку, выдавливаю на зубную щетку горошинку пасты, затем проверяю, дошла ли до тринадцатого этажа горячая вода. Убедившись, что день начинается положительно, встаю под бодрящую струю, закрываю глаза и поворачиваюсь к солнцу. Конечно, никакого солнца в ванной нет, но с закрытыми глазами его нетрудно себе представить, тем более под горячей струёй воды. Если бы это блаженство могло длиться вечно! Но нет! Нужно тянуться за щеткой, чистить зубы, намыливать тело, что самое ужасное, выключать этот горячий поток удовольствия, вытираться, одеваться, идти на кухню, готовить завтрак, накладывать макияж, бежать на работу. Как у атлета перед стартом, мышцы на моём теле напрягаются, а живот прожигает беспокойство. Только у спортсмена сразу после старта волнение утихает, а моё беспокойство никуда не исчезает. Оно сопровождает меня с тех пор, как я себя помню. Туманное, вечно ноющее чувство: это не доделала, это можно сделать лучше. Вот и сейчас я не перестаю думать о том, что с Вадимом можно было вчера поговорить по-другому: дать ему отпор! Стукнуть кулаком по дивану. Сходить на помойку за котелком. Выгнать его сразу из квартиры. Выкинуть его ботинки из окна...

Иду на кухню. Он сказал, что я провожу здесь слишком много времени? Что за бред? Я бы поняла, если бы он обви-

нил меня в чрезмерной любви к работе – там я провожу целых восемь часов плюс час на обед и два на дорогу, а здесь максимум четыре в будни и шесть на выходных! Это со всей уборкой и приготовлением пищи! Но для Вадима работа – это святое дело, он сам проводит там большую часть жизни. Упрекнуть меня в этом означает упрекнуть самого себя. Поэтому он нашел другое слабое место для вероломного нападения – мою ни в чем не повинную крохотную уютную кухню. Я окидываю любящим взглядом белые тарелочки, наглаженные полотенчики, натертые до блеска рюмочки за бирюзовым стеклом. Вдруг придётся со всем этим расстаться?

Вдруг Вадим поставит мне ультиматум: или он, или кухня? У него логика простая: выкинь грудку посуды, оставь только две жестяные тарелки, тогда и натирать нужды каждый вечер не будет. Я представила, как сижу и складываю всё добро по коробкам, поливаю его слезами, как царица, которую собираются насильно выдать замуж, и несу на близлежащую помойку. Ночь не сплю, а утром Вадим меня запирает дома, чтобы я не выскочила отнимать тарелки у кружащих над контейнерами малоимущими соседями. Нет уж, дудки! Если он хочет, пусть уходит. Мы с посудой остаёмся.

Открываю холодильник и смотрю на горку котлет. Завтра на обед с родителями подогрею. Живот мой будто шпагой прокололи. Родители! Мама, наверное, уже платье к нашей свадьбе купила. А мы расходимся? Нельзя, чтобы они

об этом узнали. Только не завтра... У них же слабое сердце. Они не жаловались еще, не хотят меня расстраивать. Но в их возрасте нужно с такими новостями быть осторожнее.

Мне нужно быть осторожнее. Сколько лет прошло, пока я его встретила? 22! Какова вероятность, что я не встречу следующего через 22 года? 50 процентов! Со статистикой не поспоришь! Может быть это в мире считается нормальным в 44 выходить замуж и рожать детей, но в Москве в этом возрасте дети уже выдают замуж своих детей и воспитывают внуков. У нас все достойные и перспективные мужчины разбираются, как горячие пирожки из печки – очень быстро. Даже с начинкой особенно не интересуются. Давай сюда, пока свеженький и горяченький, а там разберемся! Вот и разобрались...

Встаю со стула, мою чашку, вытираю крошки со стола, пытаюсь успокоиться. Может быть, он всё-таки несерьезно говорил? О таком не шутят. И уж тем более не Вадим. Почему так неожиданно, так внезапно? Еще позавчера вечером всё, казалось, было в порядке. Может быть, он с кем-то познакомился?

Прихватив на обед две котлеты по-гречески, бегу на работу. Остальные оставляю на вечер, который, как надеюсь, всё разрешит. Всё-таки он был пьян. Может быть, всё еще уладится?

Забегаю в кабинет, стягиваю с шеи шарф и включаю компьютер.

– Проскочила в последний момент, – сообщаю я Ивану. Тот выглядит сегодня необычно хорошо: чубчик подстриг, костюмчик сменил, галстук подобрал. Может быть, меня собрался «клеить»? Как вовремя! Внутри всё заулыбалось. Возможно, скандал на традиционном обеде с родителями завтра можно будет предотвратить ловкой мужской рокировочкой. Какая им разница!

– Значит, твоя зарплата и рабочее место в целости и сохранности. Можешь не беспокоиться, – Иван улыбается, выставляя напоказ блестящие белые зубы. Раньше я этого яркого достоинства у него не замечала. Конечно, ведь раньше мои мысли были заняты Вадимом. Не зря говорят мудрецы, что в чаше нужно освободить место, и она не замедлит наполниться.

– Босс на месте? – спрашиваю я, улыбаясь в ответ.

– По инсайдерской информации, шефа не будет до обеда, – шепчет Иван.

Я еще раз внимательно смотрю на него: нос у него, конечно, большеват, но губки миленькие, бантиком, и глаза собачьи верные.

– У меня с лицом что-то не так? – испуганно отзывается он, заметив мой пристальный взгляд.

– Да нет, всё нормально, – я с силой отвожу от него глаза и смотрю в монитор.

Почему я раньше на него внимания не обращала? Парень очень даже видный. Работаем вместе, что в наше время чрез-

вычайно практично. Вместе на работу, вместе с работы домой... Никаких ожиданий, подозрений и нервотрепок. Можно на одной машине ездить. Знаем, кто, чем занимается, насколько за день устали. Да и в целом, если нашли похожую работу, значит у нас одинаковые интересы, а для долгой совместной жизни это очень важно.

– Я тебе пару приколов скинул, – Иван подмигивает. – Наслаждайся, пока есть возможность.

Он меня точно «клеит»!

– Спасибо! Мне как раз что-нибудь нужно для поднятия настроения.

– Слышал, что скоро офисных спамеров будут отлавливать. Они наш канал, мол, загружают, – Иван многозначительно качает головой.

– Как же так? Значит фотки нельзя больше посылать? – я изображаю на лице крайнее удивление. Иван смотрит в это время в монитор, а я – на него. Нос у него никакой не бура-тиновый, а самый настоящий гоголевский или сократовский! Римский, однозначно! Для жизни человека нужно по характеру выбирать, а не по носу. А по характеру он отзывчивый, предупредительный и заботливый. А нос всегда можно исправить.

– Пока лучше этого не делать, – добавляет он. – Могут опять от премии отщипнуть кусочек. И без всякого предупреждения!

Неужели он уже о нашем общем бюджете беспокоится?

Бережливость – отличное качество для семьянина!

– Не будем нарушать, и наш кошелек останется в неприкосновенности, – констатирую я, делая особый акцент на слове «наш».

– Не будем, – соглашается он и снова улыбается.

– Ты уже решил, куда пойдешь на обед? – ласково спрашиваю я, наклоняясь к нему.

Менеджер напротив неодобрительно косится на нас.

– Нет, ближе к двенадцати определяюсь.

– Хорошо. Я пока тоже не решила. К двенадцати мы решим, – отвечаю я, делая особый акцент на слове «мы».

Я украдкой поглядываю на Ваню. Прекрасное русское имя у него! Он усиленно работает. Молодец! Знает, что утреннее время – самое эффективное для работы. Наверное, тоже хочет пораньше освободиться вечером, чтобы...

– Александра, а ты сегодня ничего необычного в моем внешнем виде не заметила? – Иван поворачивается ко мне, я к нему, наши взгляды пересекаются, как в лучших голливудских фильмах!

– Заметила, конечно, – я обворожительно улыбаюсь.

– Что?

– Галстук у тебя новый.

– Точно. И прическа.

– Да, тоже заметила, с порога.

– Тебе нравится?

– Очень, – я не верю собственному счастью.

- Слава Богу! А то я уже подумал, что плохо получилось.
- Ну что ты! – спешу утешить его я. – Мне очень нравится!
- Знаешь, я давно хотел тебе сказать...

Менеджер напротив шипит на нас, но мы не обращаем внимания. У людей судьба решается, потерпит.

- Ты знаешь, я даже догадываюсь, о чем! – внутри меня всё трепещет. Наконец-то и мне повезло в жизни! – Может быть, ты лучше скажешь мне об этом сегодня вечером, в спокойной обстановке, где не так много народу?

Я киваю на менеджера напротив нас.

- Ты права.

Иван отворачивается к монитору, а я жду его секретного мейла.

- Нет, не могу терпеть! – Иван снова поворачивается и шепчет. – Я решил жениться!

Я чуть не задыхаюсь от неожиданности.

- Это, конечно, очень романтично, но не сильно ли ты гонишь лошадей?

– Мне мама моя тоже об этом говорит. После года знакомства сразу жениться! Но я сказал, что уверен в своём выборе.

- Уверен, говоришь? – в смятении бормочу я. – Как-то всё быстро. Совершенно неожиданно. Я не готова так быстро. Может быть, всё-таки немного подождать? Мне кажется, нужно поближе познакомиться. С родителями, родственниками, ну и самим тоже... Мы ведь только на работе общались.

По мере приближения к концу предложения замечаю, как Иван меняется в лице. Гоголевский нос его вытягивается до почти буратинового. Он краснеет до кончиков ушей и едва слышно выжимает из себя:

– Александра, мне кажется, ты меня неправильно поняла. Я женюсь не на тебе. Извини, я думал, ты занята... А то бы я обязательно... Не сомневайся...

Теперь я краснею. Мне кажется, я горю! Всё лучше, чем выпутываться из этого позора!

– Извини! – я закрываю глаза руками. – Какая я дура!

– Ничего страшного, – сочувствующе произносит Иван. – Это с каждым... С каждой бывает. Я недостаточно определенно выразился. Нужно было четче сказать: женюсь на такой-то... Имя. Фамилия. Отчество. Такого-то числа. Извини.

– Я просто вчера с моим другом рассталась, – хнычу я. – А завтра еще родители на смотрины придут. Они каждую неделю приходят – сглазили вот. Не хочешь мне slučajем компанию составить в этот день? Поддержать морально?

– Конечно, мы могли бы с подругой прийти.

– С подругой? У меня дома кофейный сервис только на четверых... Не получится, к сожалению...

– Мне очень жаль, – Иван подъезжает ко мне и кладёт руку на плечо. И я тут еще со своей свадьбой! Не расстраивайся.

– Я не расстраиваюсь. Буду работать...

«Я в порядке. Я в порядке. Я в абсолютном порядке!» –

повторяю как мантру. Да, вот так, одним словом можно испортить человеку замечательное утро, выходные и разом лишить человека всякой надежды на счастье. Счастье... Абстрактная, недостижимая для меня категория. Мы с ней, как с далекой, холодной звездой, уже давно на недосягаемом расстоянии, а сегодня, похоже, она сменила орбиту и вовсе исчезла с горизонта, скрывшись в неизвестном направлении.

Иван мне всё равно не подошел бы. Слишком непунктуальный, речь у него нескладная. Надо же было меня так запутать! И женится в самый неподходящий для этого момент. Вадим в этом отношении гораздо приятнее – он всегда знает, о чем говорит. Кроме того, он надежный и очень-очень перспективный.

Набираю в поисковой строке «меня бросил парень, что делать». Семь миллионов страниц? Это только в российском рунете! Да это похоже на национальную проблему, а никому дела нет. «Выбери искренние слова, отправь ему признание на мобильный» – гласит первый совет. «С Вадимом такое не пройдет», – думаю я. «Сравнивайте его с мужчиной, у которого он не имеет шансов выиграть» – советует девушка-профессионал, которую, как она сама сообщала, бросил уже девятый молодой человек. Перебираю в голове знакомых, у которых Вадим не имеет шансов выиграть. Таких не находится. Лучше уж признание на мобильный... Или еще лучше – позвонить. Быстро набираю его номер.

– С добрым утром! – неожиданно отвечает Вадим. Голос

его немного хрипит. Неужели он плакал?

– Привет! – как можно радостнее произношу я.

– Что-то случилось? Ты редко мне звонишь на работу.

– Да, не хотела мешать...

– Да что ты! Наоборот, приятно услышать голос любимой девушки.

Точно передумал! Никогда еще не называл меня любимой девушкой!

– Хотела спросить... Я хотела спросить про вчера... Это ты серьезно говорил?

– Про ботинки?

В трубке повисает молчание. Зачем я спросила? Сейчас он всё вспомнит! Нужно было разговаривать, будто ничего и не случилось! Кто меня тянул за язык! Из трубки доносятся звуки «Лебединого озера». Отключаюсь. Видимо, позвонил кто-то более важный.

Через десять минут вижу номер Вадима на телефоне.

– Извини, – говорит он сухо. – Шеф позвонил. Интересовался моим здоровьем после вчерашнего.

– И как твое здоровье после вчерашнего?

– Голова, будто меня котелком чугунным огрели. Это не ты случайно?

– Да как ты можешь? Я его еще на прошлых выходных выкинула!

– Значит всё-таки думала о нем... Радует. Значит, у тебя ко мне хоть какие-то чувства были.

– Конечно, были! Очень много чувств было! Особенно вчера вечером.

– Но почему ты никогда не говорила о чувствах?

– Не говорила?

– Не говорила. Три раза сказала: «Мне нравится, как ты делаешь мохито» и четыре «Сегодня у тебя классно получилось! Давай повторим!» Это тоже, кстати, к мохито относилось. Вот и все твои признания!

– Неужели? Никогда не замечала за собой такого.

– Я больше не могу не замечать. Сегодня приеду за вещами.

– Может быть завтра после обеда?

– Завтра же твои родители приедут на обед.

– После обеда и уйдешь.

– Нет, я в такие игры не играю.

– Ну пожалуйста! Только завтра. У них слабое сердце!

– Не слышал, чтобы они жаловались. А в следующую субботу мне опять приезжать к тебе?

– Нет, можешь просто пару вещей оставить.

– А дальше?

– Потом я смогу их подготовить к этой новости. Ты знаешь, какие они у меня чувствительные. Наверное, уже наряды к свадьбе купили. А мы расходимся. Они не переживут!

– Нет, извини. У меня на завтра другие планы.

Может быть, и у меня на завтра возникнут другие планы? В командировку отправят на выходные? Вот, корреспон-

денцию принесли почему-то к окончанию рабочего дня. Беру два письма и выхожу из душного офиса. Бреду по берегу Москвы-реки и смотрю на спешащих домой людей. Они наверняка счастливы! Хотя бы потому, что им есть, куда спешить: дома их ждут, впереди два выходных дня с теми, кто их любит, и кого они любят. Ах, «ля мур» – прекрасное чувство! Почему же мне оно не подвластно?

Сажусь на скамеечку и открываю конверт. Наверное, уведомление о реорганизации фирмы или прочая ерунда. Такое уже случалось много раз, и к таким письмам я уже привыкла. Действительно – уведомление об увольнении. Обоснование, правда, другое – сокращение штатов. Ничего страшного. Очередная реорганизация. Новую схему придумали. Разворачиваю второй конверт. «Уважаемая Александра Анатольевна! Заходите, пожалуйста, в отдел кадров, чтобы урегулировать вопросы Вашего увольнения». Значит оно не формальное?

Глава 4

Суббота. Осталось совсем чуть-чуть до дня, который изменил мою жизнь

Раздается звонок домофона. Через минуту родители будут здесь. Я окидываю взглядом комнату. Старый паркет просох и благодаря дорогому средству для мытья полов, выглядит по-новому желтым, как осенние листья на березе у входа в наш подъезд. Только без коричневых точек. Природа схалтурила, а я себе такого в ожидании мамы позволить не могу.

Два дивана, прижатых к противоположным стенам комнаты, только что лишились вместе с пылью доброй части и без того негустого ворса. Похоже, объяснений с хозяином квартиры не избежать. Наверняка при следующем посещении спросит, как это я – девушка стройная и вполне приличная – умудрилась за год истереть два дивана так, как его покойной маме за двадцать лет не удалось. И стулья тоже. Конечно! Чем я их только не терла! Даже пемоксолью. Насчет нее я, правда, немного погорячилась. Ороговевший от старости гобелен благодаря моим нечеловеческим усилиям посветлел, но стал каким-то рыхлым и вялым. Ах, что и говорить! Здесь всю обстановку уже давно пора менять. Я бы это давно сделала, но куда потом всё это добро?

Полуденное осеннее солнце выглядывает время от време-

ни, оглушая комнату ярким светом. На серванте в это время предательски поблескивают пылинки. Я хмурюсь и снова собираю их кончиками пальцев, как курица зерно. На стеклянных полках остаются едва заметные отпечатки. Едва заметные для невооруженного взгляда, но у моей мамы в глаза встроены лупы, если не целый микроскоп! Солнце, будто вняв моим мольбам, тут же скрывается за тучу, а я мчусь в ванную, чтобы положить вторую зубную щетку в стаканчик, которую предусмотрительно купила в пятницу вечером. Вадим свою, подлец, забрал. Нервно взъерошивая щетину, чтобы придать ей использованный вид, поворачиваю ключ в замке.

Еще раз бегу в комнату, прижимаю дверки шкафа, в правой половине которого сиротливо висит моя одежда. Можно было бы еще припереть для верности стулом скрытую там ужасную тайну, но маме такая несуразица в обстановке быстрее бросится в глаза. Оставляю мебель в покое и бегу к двери.

– Здравствуй, дорогая! – мама обнимает меня, вручает традиционный увесистый мешочек – урожай с дачи и добавляет традиционное: «Свое всегда вкуснее!»

Стрела совести неприятно колет: торт у меня сегодня не самодельный, купила в супермаркете – очень похожий на тот, что я обычно делаю. Авось не заметят подмены.

– Что-то случилось? – слышу встревоженный мамин голос. – Где Вадим?

Я отворачиваюсь от нее и несую пакет с морковкой и картошкой на кухню.

– Он с работы еще не пришел. У них завершение проекта. Он очень поздно возвращается, – слышу я свой голос. Он звучит странно, как в шпионском фильме: записан на пленку и обработан на компьютере, чтобы никто не понял, что это я говорю. И то, что я говорю, не лезет ни в какие рамки. Какие проекты у адвокатов? У них дела: гражданские, уголовные, семейные. – У него в понедельник суд. Он готовится. Очень важное дело. Уголовное.

Конечно, уголовное! Он другими и не занимается! И родителям он об этом рассказывал! Сейчас они обо всем догадаются, примчатся на кухню. Голос хрипит с непривычки. И мина плохая, и игра никакая. Сейчас придут. Начнут пытаться... Тарелки в ярости бить. Господи, они же мои родители! О чем я? Замираю в ожидании, но никто на кухню не спешит. А жаль... Придется врать дальше.

– Ай-ай-ай! Даже на выходных работает? – причитает мать, выглядывая из ванной. – Какая может быть у молодых людей личная жизнь, если всё время работать? Нужно же время друг с другом проводить: гулять, ходить в кино, на речку, на дискотеки. Вы куда-нибудь вместе ходите?

– Ходим... На кухню...

Мама моей иронии не понимает, а папу она всегда настаораживает. Он сразу идет ко мне.

– Как на работе? – спрашивает он тихонько.

– Всё нормально, – шепчу я, изо всех сил стараясь не расплакаться.

– Я сейчас! – кричит мама из ванной, заглушая мой ответ. Иначе бы папа обязательно заметил. Мама ставит обувь рядом с моей. – Вадима приучила обувь мыть?

– Приучила-приучила, – протягиваю я и несу горячее.

Мама в это время смотрит книги – каждый раз одни и те же.

– Молодец, дочка! Успеваете еще и классику читать! Очень советую обратиться к литературе школьной программы 10–11 классов. Теперь ты её глазами взрослой женщины увидишь – всё прочувствуешь и осознаешь по-новому. Я недавно «Анну Каренину» прочитала, столько нового для себя открыла! Раньше, пока я про нее понаслышке знала, я ей сочувствовала, а теперь нисколько! Сейчас я досконально во всем разобралась! Нехорошая она женщина была – мужа обманывала. А вы жениться с Вадимом не надумали? Всё-таки уже год вместе живете. Срок достаточный, чтобы узнать друг друга.

– Не донимай дочь, – приходит на помощь отец.

– А что такого? Совершенно нормальный вопрос. Правда, дочка? У нас ведь нет секретов друг от друга?

– О свадьбе ты узнаешь первая, – отвечаю я, еще раз убеждаясь в правильности решения ничего не говорить родителям.

Ложь во спасение, однако, дается мне нелегко. Мне ста-

новится жарко, и я бегу открывать форточку.

– Что у нас на обед, дочка? – спрашивает отец.

– Котлеты по-гречески, – я вхожу в комнату с большим дымящимся железным подносом.

– Как вкусно пахнет! – он громко вдыхает.

– Очень интересно. Мы, по-моему, такого никогда не ели, – отзывается мама. – Фарш еще успела накрутить!

– Да... – неуверенно киваю я – фарш я купила в супермаркете.

– Молодец. Сейчас в фарш, говорят, мышей и крыс подсовывают. Особенно в тот, что в супермаркетах продается. Там оптовыми партиями продается – съедят, не заметят. По вкусу, говорят, их не отличишь!

– Приятного аппетита! – говорю я и отодвигаю котлеты на край тарелки.

– Доченька, давай выпьем за вас с Вадимом! – предлагает мама первый тост. – Ты уж извини меня, если я иногда не сдерживаюсь, задаю прямые вопросы. Просто я волнуюсь. Мне так хочется, чтобы у тебя жизнь сложилась, и ты вышла замуж за достойного человека. Мы тебя растили, холили, лелеяли: с четырех лет на танцы, с шести – на фигурное катание, потом в школу. Английским ты с репетитором занималась. Перед поступлением в институт за курсы подготовительные платили. И теперь не хочется всё это добро кому попало отдавать. И ты знаешь, как сложно с достойными молодыми людьми в Москве. Одного потеряешь, за ним сразу

очередь! На что и говорить: еще не потеряешь – уже очередь. А Вадим у тебя достойный молодой человек.

– За тебя, дочка! За твое будущее! – прерывает мамин монолог папа.

Мы чокаемся и принимаемся за еду. Мама сообщает о последних новостях с дачных полей, папа хвалит котлеты, я прилежно поддакиваю, киваю и всеми силами отгоняю неприятные мысли. Догадается мама или нет, что фарш из магазина?

– Очень вкусные получились котлеты, – говорит папа, освобождая тарелку для добавки.

– Я бы на твоём месте не налегала так сильно. Неизвестно, чем эту говядину кормили...

– Мама, почему я оставила фигурное катание? – слышу я свой голос. Он будто и не мой совсем. Будто издалека.

– Сыр здесь очень жирный, хотя нежирного сыра не бывает, – продолжает мама. – Это факт! Надо попробовать их без сыра делать.

– Почему я оставила фигурное катание? – повторяю я громче.

– У меня такое ощущение, отец, что наша дочь сегодня плохо слышит, – недовольно заявляет мама и укоризненно смотрит на меня, как в детстве. – Я про одно, она – про другое.

– Однажды на тренировке, – медленно отвечает папа, – ты увидела девочку, которая переехала из Волгограда в Моск-

ву. Талант её был неоспорим, с ней работали лучшие специалисты. Ты сказала, что с ней тягаться тебе не под силу, а второй быть не желала. Твой интерес угас.

– По-моему, вы сегодня сговорились! Оба меня не слышите! – возмущается мама. – Всё-таки лучше эти котлеты без сыра делать.

– И вы не старались меня переубедить, уговорить, поддержать? – я, наконец, отрываю остекленевший взгляд от полки.

– Мы подумали, что если бы тебе это действительно нравилось, ты бы не бросила, – поясняет отец и виновато опускает глаза.

– И правильно, что бросила! Ты стала настоящим человеком – менеджером! – гордо заявляет мама.

– Мама, я помощником руководителя, а не менеджером работаю!

– Какая разница? Главное, работа есть, – отвечает мама.

– А шансы были? – спрашиваю я папу.

– Шансы всегда есть, хотя о чем теперь говорить? – с жалостью произносит отец. – Я ходил на все твои выступления! Ты была такой искусной танцовщицей, не по годам... Потом сильно жалел, что ничего не предпринял. Всё-таки надеялся на твой внутренний голос... Но он промолчал.

– А что с той девочкой стало?

– Я слышал, что её через год родители увезли в США, она неплохо выступала, но получила травму. С тех пор о ней больше не писали.

– Зачем ворошить прошлое? Как сложилось, так и сложилось. То, что Александра университет окончила, гораздо важнее любых танцев. Давайте со стола убирать.

Я беру часть посуды, отношу на кухню, другую приносит папа. Я, по привычке, мою тарелки. Папа вытирает.

Мы любим эту ненавязчивую тишину, которая значит для нас много больше, чем любые слова. Он будто спрашивает: «Есть проблемы, дочка?» Я грустно киваю. «Потеряла работу. Молодой человек ушел...» «Ничего, моя милая, у тебя всё будет хорошо». Я уютно устраиваю голову на его плече, и мне тут же становится легче, словно все проблемы мои вмиг перебегают по невидимому мостику к папе, а он, как настоящий рыцарь, расправляется с ними большим беспощадным мечом. В такие минуты меня оставляют тревоги и вечное беспокойство, становится уютно и тепло. Ах, если бы у меня был такой молодой человек, как папа, которому можно было бы положить голову на плечо, уткнуться макушкой в шею, и чтобы все сошлось, как пазлы.

Пазлы... Они были частью трудного времени взросления. Я проводила часы, собирая белые парусники на голубом фоне, старинные замки, утопающие в зелёной листве, сюжеты из любимых сказок и мультфильмов.

На каждый праздник, начиная с десяти лет, я неизменно заказывала коробку с пазлами. Мама моего увлечения не поддерживала, но и не препятствовала, а папа темными зимними вечерами присоединялся ко мне. Что в этих пазлах

тогда мне казалось таким увлекательным, я уже не помню. Осталось лишь это удивительно концентрированное чувство завершенности, совершенства, когда я вставляла последний пазл в картинку. Все собранные картины остались в квартире родителей, аккуратно наклеенные на тонкую бумагу и развешанные по стенам. Лишь белый парусник я оставила под стеклом – хотела когда-нибудь собрать еще раз. К моменту поступления в университет свободного места для новых картин не осталось, захламлять другие комнаты мама не позволила. Учеба стала занимать всё свободное время. Тогда постепенно и утихло мое пристрастие к пазлам.

– Помнишь, мы с тобой парусник из трех тысяч пазлов вместе собирали? – спрашиваю я папу.

Папа вздрагивает.

– Я после той бессонной ночи от мамы хороший нагоняй получил за то, что пошел у тебя на поводу.

– Трудный попался экземпляр: белые облака на голубом фоне, огромные паруса.

– Но мы справились! – не без гордости заявляет папа. Плечи его расправляются, глаза блестят.

– Я до утра не могла заснуть...

– Почему?

– От восхищения, что мы всё-таки своего добились... Собрали его... Он еще там? Напротив моего школьного стола, у окна, летит по волнам?

Папа неловко переступает с ноги на ногу и виновато опускает

кает голову.

– Прости, дочка. Мы делали ремонт и перестановку во всей квартире. Мама их все убрала. Иначе обоев не было видно. Мама так сказала.

– Как убрала? Где они? – отзываюсь я с нарастающей тревогой в голосе.

– Я не знаю, – папа на секунду замолчал, не решаясь выдать правду. – Но ты не волнуйся! Наш парусник я не дал погубить. Маме так и сказал: «Только через мой труп». Я его на дачу увез. Он теперь там висит над моей тумбочкой в спальне, как напоминание о тебе.

Я застываю с намыленной тарелкой в руке.

– Но почему же меня не спросили? Я бы их здесь повесила... Я бы их все забрала! – голос мой звенит тонкой струной от негодования.

– Мама не позволила. Сказала, что не нужно в новую жизнь со старым барахлом...

– Какое же это барахло? – шепчу я. Руки мои невольно опускаются, и намыленная тарелка выскальзывает из рук.

Я медленно выхожу из кухни.

– Опять тарелку папа разбил? – раздается из комнаты укоризненный голос мамы. – Дочка, где у тебя скатерти лежат? Я уберу эту...

Слышится скрип дверки шкафа. Я бросаюсь в комнату, но уже поздно. Глаза мои встречаются с изумленным взглядом матери.

– Что случилось? – она растерянно смотрит на меня. –
Почему в шкафу только твои вещи?

Глава 5

Четверг, день, который изменил мою жизнь.

До встречи со Светой и её новой пассивностью в «Дантесе» остается час. Я решаю добраться до Мясницкой пешком: сначала по Садовому, потом свернуть на набережную и дальше пройти переулками. Заодно остыну, приду в себя.

«Не замечает очевидного, предпочитая скрываться от реальности в мечтах», – гудит у меня в голове. Глупость какая. Ненавистный листок! Пущу его сейчас по Москве-реке, и будто не было его. Я складываю из помятого листа бумаги кораблик. На соседней церкви поют колокола. *«Предпочитает скрываться от реальности...»* – голос не умолкает. Я замираю. Ни в чем не виноват этот листочек. Выкидывай его, не выкидывай – ничего не изменится.

Наверное, так люди решаются на самоубийство. Интересно, с этого моста уже кто-нибудь бросался в реку? В голове мелькают заголовки завтрашних газет: «Смерть из-за равнодушия. Молодая девушка упала в Москву-реку и утонула, потому что никто не обратил на нее внимания». Я даже не сомневаюсь, что никто не заметит. Тысячи людей проходит здесь, сотни машин проносятся, но всем не до тебя, у каждого есть свое важное дело. И пусть здесь человеку плохо, очень плохо, никто не обратит на тебя внимания.

– Девушка!

– Да, – отвечаю я неоправданно одетому молодому человеку со смуглой, давно не мытой кожей. Может быть ему не все равно?

– Девушка, у меня все деньги украли. Дайте на билет до дому.

Он хватается меня за сумку, я отмахиваюсь и в ужасе бегу к метро. Что это я выдумала? Не хватало еще в речку из-за перфекционизма бросаться. Да, и речка, надо сказать, совсем для этого неподходящая. Маленькая, грязная. Я понимаю – Волга. Это река с большой буквы! Недаром туда тянуло топиться столько литературных героев. Утонула в Волге – это звучит гордо! А в Москве-реке только пьяницы тонут. Нет, скорее бежать отсюда в «Дантес».

Внутри ресторана накурено и душно. Колонки у входа громяют. Дорогу мне преграждает бармен в черных брюках, жилетке и белоснежной рубашке с широкими рукавами. Он испытывает новый способ заманить публику в ресторан. Бармен разъезжает по залу с тележкой, на которой в разноцветных тарелочках и многочисленных бутылках находятся ингредиенты для коктейлей. Посетители ресторана составляют их сами. Большинство полагаются на вкус бармена, деловито добавляя: «Побольше Бакарди», «Не надо мяты», «Двойной мартини».

– Что будете пить, милая девушка? – обращается ко мне бармен.

– Кровавую Мэри! – отвечаю я, не раздумывая, и прячусь

за его широкими плечами от Светы, которая сидит в большой компании молодых людей и что-то громко рассказывает. Мне нужно обязательно зайти в туалет, чтобы привести себя в порядок. Как назло, столик Светы как раз на пути туда. – Пожалуйста, отвезите коктейль за тот столик, – говорю я официанту и показываю на Свету. – Я в туалет.

Чуть наклонившись, следуя за ним. Официант понимающе скрывает меня за тележкой. До туалета остается пара метров, когда сзади меня кто-то толкает, и я оказываюсь на коленях.

– Александра! – кричит Света, вскакивает из-за стола и бежит ко мне. Я поднимаюсь, отряхиваюсь и пытаюсь натянуть на лицо подобие улыбки. – Это наша краса и гордость – Александра! Прошу любить и жаловать! – громко объявляет она и тянет меня за стол. – А это – Алексей!

Я поворачиваюсь и вижу молодого человека.

– Извините, я сегодня совершенно неловок. Всех толкаю! – он протягивает мне руку, чтобы поздороваться. Видимо, я сейчас похожа на старую деву или, того хуже, бесполое создание «гермафродит», если он приветствует меня таким образом. Дожили, молодой человек жмет мне руку! Я оглядываюсь по сторонам, чтобы оценить, что думают по этому поводу другие, но никто не обращает на нас внимания. Я возвращаюсь к руке Алексея. Она крепкая, сильная и мягкая. Мне хочется, чтобы он не отпускал мою руку и держал так вечно.

«А ты руки после метро вымыла?», – в голове вдруг появляется мамин голос.

«Господи, мама, уйди! Не до тебя сейчас!»

«Как же не сейчас! Если сейчас же не помыть, то глисты заведутся и у тебя, и у него! А потом и у ваших детей!»

«Какие дети, мама! Мы десять секунд знакомы!».

Какая мягкая и теплая рука... Широкая, добрая. Еще десять секунд... Только не выпускай! Прямо наваждение... Еще десять... Теперь я понимаю, почему мужчины друг друга так приветствуют. Мне ужасно нравится этакое крепкое рукопожатие. Конечно, немного странно ощущать мужское прикосновение без какого-либо эротического или интимного подтекста. Я смотрю на него, а он – на меня, и мне вдруг очень хочется, чтобы, если его, этого интимного подтекста, и не было, то он тут же возник.

– Приятно познакомиться, – говорит Алексей. – Извините, что я Вас толкнул.

– Ничего страшного, – отвечаю я, как замороженная. Толкайте еще, сколько Вам вздумается. Этого я, конечно, не сказала. Или сказала? Ничего не понимаю...

– Руку мою отпустите, пожалуйста, – он улыбается. – Какая Вы сильная!

Он трясёт рукой и дует на место, в которое я вцепилась.

– Простите, – я прячу руку в карман пальто. – Со мной еще никто так не здоровался. Крепко. По-мужски.

– Извините, – говорит он, смущаясь. – Я сейчас со встречи

с коллегами иду. Не перестроился.

Мы оказываемся вместе за столом, я хватаюсь за «Кровавую Мэри», как за спасательный круг, делаю три больших глотка.

– Мне Света о Вас много рассказывала, – многозначительно замечает он.

У меня внутри всё сжимается. Света ему уже всё рассказала.

– Что же она обо мне рассказывала? – с трудом скрывая обиду, выдавливаю я.

– Полную характеристику! – Алексей загадочно улыбается.

– С собеседования?

– С какого собеседования?

– О приёме на работу.

– Нет, про него она ничего не говорила, но я с удовольствием послушаю, раз уж Вы упомянули.

Типун мне на язык!

– Нечего рассказывать!

– Думаю, есть о чем. Можете воспринимать меня, как вынужденного соседа по недолгому совместному путешествию. Такому можно всё поведать без утайки. Представьте, что мы в самолете, – продолжает Алексей голосом гипнотизера. – Вы сидите у окна. Подхожу я, молодой, красивый, складываю пожитки наверх, – он встает и демонстративно треплет куртку, висящую на спинке стула. – Теперь я сажусь рядом

и пытаюсь познакомиться, влезть в доверие, чтобы провести время в приятном диалоге с интересной девушкой, а не со стаканом виски.

Я пребываю в некоторой прострации. От его голоса у меня внутри всё тает. Он удивительно располагает к себе: то ли вкрадчивой манерой говорить, то ли этой прямоотой, то ли тем теплом от руки, которое я всё еще ощущаю на своей ладони.

– Я была сегодня на собеседовании, – говорю я, – проходила психологический тест, и компьютер выдал такие результаты, от которых я до сих пор опомниться не могу.

– Да что Вы! – участливо отвечает Алексей. – Покажите! И давайте перейдем на ты.

– Давайте. А что Вам показать? – удивляюсь я.

– Покажите, – он на секунду останавливается и тут же поправляется. – Покажи, что компьютер выдал.

– Вы думаете... Ты думаешь, я эту ерунду с собой таскаю?

– Конечно. Женщины обычно такие вещи не выбрасывают.

– Говорите как психолог.

– Будем считать, что я он и есть, – Алексей опять загадочно улыбается.

– Не люблю психологов... Особенно их тесты.

– Так что с тестом? – переспрашивает Алексей. – Покажешь?

– Только если ты угадаешь, что меня волнует в данный

момент больше всего, – говорю я и прищуриваюсь.

«Какого чёрта ты с ним кокетничаешь? Иди, руки мой! И ему скажи, чтобы вымыл!» – слышу мамин голос, от которого я чуть не подпрыгиваю.

– Так что меня волнует больше всего сейчас? – спрашиваю я Алексея.

– Я предположу, – говорит он, затягивая паузу, как заправский шоумен, – что оторвавшаяся пуговица на твоей блузке.

Я опускаю взгляд, надеюсь, что Алексей шутит.

– Господи, какой ужас! – я хватаюсь за обнажившееся место на груди, вскакиваю и хочу бежать, но Алексей преграждает мне путь. Я упираюсь лбом в его мускулистый торс и тут же отступаю, смутившись внезапно возникшей близости.

– Не волнуйся, – произносит он мягко. – Ты прекрасно выглядишь и с оторванной пуговицей. Дерзко. Сексуально! Круги от туши еще под глазами. Просто идеально!

– Ты издеваешься? Я поеду домой, – я снова встаю, и мое лицо опять оказывается у его груди. Я чувствую легкий запах его парфюма. Я вдыхала однажды такой аромат в магазине и не могла остановиться. Два часа стояла, нюхала, пока меня оттуда не попросили, и теперь не могу оторваться...

– Из-за такой мелочи – какой-то пуговички ты готова пожертвовать вечером в приятной компании? Для тебя главное, чтобы одежда была в порядке?

«Стремится к порядку...» – как колокольный звон гремят слова из теста. Откуда он это знает? Я медленно опускаюсь

на стул.

– Хорошо, я останусь, – шепчу я, продолжая держать руку на груди.

– А тест?

– Какой тест?

– Ты обещала мне показать результаты, если я угадаю.

– Но ты не угадал! Я думала о другом!

– Но сейчас ты думаешь о пуговице!

– Действительно...

Я открываю сумку и достаю из него листок, пересеченный линиями сгиба от кораблика. Будь что будет.

– Уничтожить хотела, – он кивает на следы покушения. – Оригинальный оригамный способ уничтожения правды.

Он смеется, обнажая ряд ровных белых зубов. Я готова сквозь землю провалиться, и всё же не хочу уходить. Мне кажется странным, почему он проявляет ко мне такой интерес, да еще в присутствии Светы. Скорее всего, он и есть её новая пассия. Не тот же узкобородый слева! Хотя, если его побрить, подстричь, одеть прилично, научить сигарету держать по-мужски, то совсем неплохой вариант получится. Во всяком случае, мне очень этого хотелось бы...

– Перфекционистка! – кричит Алексей.

Я подпрыгиваю от неожиданности.

– Кто? – я делаю вид, что не понимаю, о чем он говорит.

– Да вот же она! – Алексей упорно смотрит на меня. – Неужели не замечаешь?

– Ты что, на меня намекаешь? – я морщусь, будто меня заподозрили в чём-то непристойном.

– Ну конечно! Чистый перфекционист! Мисс совершенство! – Алексей напевает песню Мадонны «Nobody is perfect».

– Как будто этот самый твой перфекционист может быть грязным... – бурчу я себе под нос.

– Конечно, перфекционист может быть грязным! Но он этого старается не допускать, иначе бы он не был перфекционистом. Вот, смотри. Как тебе кажется, этот стол чистый?

– В принципе, чистый, – бойко отвечаю я, внимательно оглядывая блестящий черный стол, за которым мы сидим. – Хотя, если внимательно присмотреться... Вот, крошки застряли в трещинке, вот несколько разводов от мокрой тряпки. Нет, стол откровенно грязный. У меня на кухне такого не бывает, – добавляю я с гордостью.

– А для обычного человека, которым, по-видимому, является наш официант, стол чистый, хотя если ты ему покажешь на грязь, он обязательно еще раз пройдетя по нему тряпкой.

– И что, из-за того, что я лучше вижу, грязный стол или чистый, нужно меня в перфекционисты записывать?

– Перфекционистки, – поправляет Алексей. – Не волнуйся, таких много, но не каждый имеет мужество себе в этом признаться.

– Конечно, в болезнях никто признаваться не хочет...

– Это не болезнь, а особенность характера. Такая же, как

сварливость, придирчивость или заносчивость.

– Не самые приятные черты...

Перфекционистка тут же материализуется в моей голове в виде склочной старухи с маминым голосом, которая вмешивается в дела всех и вся, поправляет на каждом шагу, знает, как можно сделать лучше, и никогда не довольна результатом. Я встряхиваю головой, чтобы прогнать каргу. Та, однако, цепляется золоченой клюкой за перемычку между большими полушариями и никак не хочет уходить. «Повезло попасть в компанию интересного, интеллигентного, начитанного молодого человека, – шамкает она сквозь белые вставные зубы. – А у тебя ногти не под цвет помады покрашены, прическа как у курицы, да еще и пуговица оторвалась. И пришло тебе в голову в такой момент ляпнуть про грязный стол. Можно было бы и сдержаться!».

– Кто-то критикует внутри? – слышу я вкрадчивый голос Алексея и вздрагиваю. Остатки «Кровавой Мэри» расплзаются томатной лужицей по столу.

– Вот теперь стол действительно грязный, – смеется Алексей. Он неспешно достает пачку салфеток и бросает их на пятно. Вмиг подоспевший официант тщательно протирает стол и уносит салфетки.

– Неплохой способ добиться того, чтобы стол, наконец, сделали чистым, – улыбается Алексей. – Возьму на вооружение.

Я краснею, будто впитала в себя всю мякоть томатов из

пролитого коктейля.

– Прости, пожалуйста. Это моя вина, – он кивает головой в сторону пустого стакана. – Я тебя напугал вопросом. Не волнуйся, я не умею читать мысли. Просто для перфекционистов это нормально – перемалывать себе косточки и критиковать за всё, что угодно.

Я облегченно выдыхаю – мне совсем не хочется оказаться в компании телепата в тот момент, когда за меня взялась мама. Сейчас она корит за разлитую «Кровавую Мэри».

– Ты это тоже делаешь? – я заговорщически наклоняюсь к его уху. – Себя критикуешь?

– Иногда, только если критика имеет положительный эффект. Если она помогает достичь более высокого результата, то она позволительна, – чеканит он. – Если она существует ради самой себя, то есть идет по привычке, по кругу, то такая критика мне не нужна.

– А её можно остановить?

– Можно. Главное при этом – понять, что она тебе не нужна.

– А от перфекционизма вылечиться можно?

– Можно скорректировать.

– Для этого нужно ходить к невропатологу? – мне почему-то казалось, что у невропатолога приятнее лечиться, чем у психиатра. Нервы у любого могут сдать.

– Нет. В этом случае достаточно нескольких негативных событий в жизни, которые заставляют задуматься и изме-

ниться, хорошей книжки или внимательного друга.

– Негативных событий в моей жизни было более чем достаточно в последнее время.

– Значит и внимательный друг появится, точнее, я надеюсь, уже появился.

– Кто же?

– Я.

Я поворачиваюсь к Свете, демонстративно хмурюсь и кричу ей через весь стол.

– Вы с ним сговорились?

– С кем? О чем? – Света недоумевающе смотрит на меня.

– С Алексеем? Он всё-таки психолог или нет?

– Он тебе в доктора и пациента играть предлагает? Это его хобби. Решай сама.

– Ну так как? – снова спрашивает Алексей.

– Я подумаю, – неуверенно отвечаю я. – Отвечу в следующий раз.

– Хорошо, я тоже.

– Как? Разве ты не согласен? Ты же сам предложил.

– Я привык начинать на равных.

Глава 6

Входную дверь закрыть на замок, ключ – на крючок, туфли – под струю воды в раковину и на приготовленную с утра газетку. И никакая я не перфекционистка! В голове продолжается диалог, длиной с дорогу в метро. Непрочитанные рекламные газеты лежат стопочкой на столе. Пол два дня не мыт. Не найдя других веских доказательств собственного несовершенства, я решаю проверить себя на прочность и лечь спать без традиционной уборки кухни, тем более, что мусорить там сегодня было некому. Красота!

Просыпаюсь на следующее утро необычайно рано, открываю глаза и первым делом обнаруживаю трещинки на потолке, расходящиеся во все стороны паутинкой. Думаю, дом не успеет развалиться до моего переезда в другой, но все-таки нужно будет напомнить владельцу квартиры о необходимости ремонта.

Дождь колотит по стеклу. Почему-то мне кажется, что он холодный. Наверное, из-за настроения, которое способно всё вокруг покрыть ледяной коркой. Первый раз за многие годы мне всё равно, что сегодня пятница, что впереди два выходных дня. Для меня теперь эта разница между днями недели никакой роли не играет. Понедельник можно назвать пятницей, а субботу превратить в среду. Рабочие дни стали нерабочими. Как сильно хотелось раньше прибавить

к выходному еще один денек, так теперь щемит всё внутри от тоски по офису. Подумать только! Быть безработной – гораздо хуже, чем вставать рано на работу. Почему я раньше этого не понимала?

Заворачиваюсь в теплое одеяло, ныряю в лохматые тапочки и подхожу к термометру. Пять градусов... Действительно холодно. Я тут же возвращаюсь в постель, закрываю глаза и погружаюсь в полудрему.

Перед глазами предстаёт поле, женщина в фуфайке, белом платке, повязанном назад, капроновых колготках и резиновых сапогах, ступающая по колючей свежескошенной пшенице. Лица женщины не видно, но мне кажется, что это я. Откуда вся эта странная одежда? Фуфайка греет кое-как – под ней, очевидно, ничего нет. Я обхватываю себя руками вокруг пояса и вглядываюсь в белесую пелену. Так я смотрю несколько минут, пока не появляется лошадь. Ничуть не удивившись, я подхожу к ней, беру под уздцы, треплю гриву. Мне казалось, что мы знакомы сто лет, и что это совсем не лошадь, а мой лучший друг. Лошадь, очевидно, испытывает похожие чувства, прижимается, фыркает и радостно тычет носом в фуфайку. От тепла животного я согреваюсь и млею. Только ступни от соприкосновения с резиной совсем окоченели и ничего не чувствуют. Тут вдруг лошадь смотрит мне прямо в глаза и серьезно спрашивает: «Дашь ты мне хлеба или нет? Что ты решила?» Я вздрагиваю, принимаюсь шарить по карманам и, не найдя ничего, отвечаю: «Я подумаю.

Отвечу в следующий раз».

Потом всё пропадает. Остаюсь только я, завернутая по самые уши в одеяло. Ноги торчат снаружи и порядком замерзли. В желудке урчит. Глупости какие-то снятся. Лошадь... Хлеб... Я подумаю... Отвечу в следующий раз. Потом мне вдруг разом становится всё ясно – весь смысл сна и причина слякотного настроения. Я набираю Свету и спрашиваю, сможем ли мы сегодня вместе пообедать. Та немного удивляется дневному приглашению – обычно мы встречались по вечерам или на выходных, но соглашается.

* * *

– Может у меня с внешностью что-то не так? – начинаю я, как только мы устраиваемся за столиком в японском ресторане в трехстах метрах от офиса Светы. Ещё неделю назад возможность пообедать в шикарной столовой ООО «Мобильные сети», где работает моя подруга, и куда не приняли меня, я приняла бы за дар богов, теперь же от одних очертаний громадины мне становится не по себе. История о моем тесте и поведении на проходной наверняка уже приняла одну из форм народной самодеятельности и обошла фирму. Стоит мне только появиться на пороге, как на меня начнут показывать пальцем. Поэтому я предложила встретиться в ресторане неподалеку.

– Что ты имеешь в виду? Что может быть в твоей внешне-

сти не так? – спрашивает Света, пробегаясь глазами по меню комплексного обеда. – Я буду суп-лапшу, гуляш со спагетти и морс, – бросает она официанту.

Я заказываю свежавыжатый апельсиновый сок, чтобы показать Свете всю серьезность моих намерений. Начать можно с небольшой диеты.

– Понимаешь, Вадим всегда восхищался девушками с обложек журналов. Топ-моделей он знал по имени и говорил о них так, будто с детства с ними знаком! Смотрим дома рекламу, а он мне: «Хайди Клум очень ловко заменила на подиуме немецкую топ-модель Клаудию Шиффер. Наоми Кэмпбелл сколько не скандалит, её всё равно снимают, Кейт Мосс никак не выходит из моды, несмотря на маленький рост...» Представляешь? А мне ни одного комплимента! Может, пришло время мне что-нибудь подправить? Говорят, это теперь делают в два счета! Приходишь в клинику с фотографией: «Сделайте из меня Дженнифер Лопес!» и выходишь через пару дней с изумительным носиком, пухлыми губками и огромными глазищами – можно сразу на «Мосфильм» резюме закидывать.

– Ты сошла с ума! – Света смотрит на меня, словно не веря, что такие идеи могли родиться в моей голове.

– Ну, конечно, можно и в Голливуд попытаться пробиться, если «Мосфильм» не нравится...

Заспанные глаза Светы становятся круглыми, будто домик у улитки. Видимо, ночь у нее была бурной. Когда я вче-

ра уходила, все молодые люди еще оставались, в том числе и Алексей. Как же мне хочется спросить: «Как сегодня ночка прошла?» Не могу. Вульгарщина. Тогда так: «Кто тебя домой провожал вчера?» Или еще мягче: «Кто-нибудь тебя домой провожал вчера?» А если никто не пошел с ней? Получится, что я её вопросом обижу. Нет, лучше ничего не спрашивать. Буду ждать, пока она сама проговорится. Только вот разговор я веду совсем в другую сторону. Угораздило же ляпнуть про операцию! Можно было просто о диетах поговорить. Теперь её не остановить. Света разошлась не на шутку.

– Не хватало еще из-за первого неудачного опыта совместной жизни под нож ложиться! А если твоему будущему другу ты «обновленная» совсем не понравишься? Если ему другой тип женщин нравится? Деловой и строгий, а-ля Ангела Меркель? Снова к хирургу пойдешь? Это тебе не компьютер! Здесь нет кнопки «Backspace». Тут шрамы остаются! Это только девочки-дурочки-перфекционистки думают, что если снаружи хороша, то внутри появится душа, а за ней сразу все принцы в очередь выстроятся...

– Что ты сказала?

– Что?

– Про перфекционисток...

– Извини! Я забыла...

– Ничего. Так что там о них?

– Я читала недавно, что девушки, которые болезненно стремятся к совершенству, готовы ради этого самого совер-

шенства ложиться под нож, питаются только жидкой пищей или, еще хуже, исторгают пищу после того, как её съели!

– Я не такая, – уверенно заявляю я и смело делаю глоток апельсинового сока.

Я – точно никакая не перфекционистка. На диетах я не сижу, просто иногда ограничиваю себя в употреблении сладкого, жирного, соленого и острого. Исключительно жидким не питаюсь. Супы ем, соки, йогурты, мюсли – мюсли-то они твердые. С молоком я их ем, когда разбухнут. Да и под нож никогда бы не легла. Я понимаю, если нос с горбинкой, лопухая, талия больше 60, а без причины-то зачем?

Только вот незадача какая! Если я не перфекционистка, то повода для встреч у нас с Алексеем нет. А если просто так встречаться? Без повода? Так было бы даже гораздо приятнее. На равных начинать, как он сказал. Нужно срочно прояснить обстановку. На какой формулировке я остановилась? «Кто-нибудь тебя домой провожал вчера?» Не годится. Лучше «Я твою пессию вчера не спугнула?» Нет, тоже не годится. Она ответит: «Не спугнула», и я так и не узнаю, кто он – её пессия.

– И если твой Вадим такой падкий оказался на девочек-дурочек, так пусть и проваливает на все четыре стороны! Или ты еще надеешься, что он придет, упадет в ноги и будет просить прощения? Ты на это рассчитываешь? – строго спрашивает Света и тут же мягко добавляет. – Извини, если я так резко. У тебя, может быть, к нему еще чувства не

остыли?

– Не остыли, – повторяю я.

Срочно настраиваю мысли на Вадима, пытаюсь выдавить слезу, но они будто застряли в многокилометровых трубах. Даже намек на них нет. Я думаю о семи миллионах брошенных российских девушек, о которых писали в Интернет, о Биме Черное ухо, о Бемби... Ничего не помогает!

– По-моему, я все слезы выплакала уже. Я приняла его решение. Теперь живу одна, переживаю, конечно, иногда.

– Возможно, он еще вернется...

Я брезгливо морщусь. Мне совсем не хочется, чтобы кто-нибудь нарушал спокойствие и красоту, царящие в моей квартире уже неделю. *«Порядок становится самоцелью»*, – вдруг гудит в голове. Откуда это? Из результатов теста. Они теперь меня всю жизнь преследовать будут? Я же уже доказала теорему, что я не перфекционистка. Почему же эти фразы ползут, как надоедливые пчелы? Нужно успокоиться и забыть о них. Если их не подпитывать медом, то они сами улетят.

– А ты уверена, что это тот человек, который тебе нужен? – спрашивает Света, прихлебывая суп-лапшу.

– Может быть, конечно, я *«несколько критична в отношении других»*, – с ужасом понимаю, что я цитирую результаты теста. – Меня многое в нём раздражает. Его неаккуратность, например.

– А Вадим как к этому относился?

– Сначала спокойно, даже великодушно, относя это к особенностям женской психики. Когда я решила его переучить, он воспротивился. Он спрашивал меня, в чем смысл уборки? Например, зачем заправлять утром кровать, если её вечером снова нужно расправлять, или зачем наливать в стакан воду, если можно пить из бутылки? Зачем гладить простыни, если они утром снова мятые? Зачем вечером смотреться в зеркало и надевать красивое белье? В темноте всё равно ничего не видно. Лишняя работа, по его мнению. Лучше его сразу снять и не доставлять никаких неудобств и препятствий мужчине. Он говорил, что пеньюары и длинные ночные сорочки только геологов и спелеологов возбуждают. А нормальных мужчин утруждают.

Мы хохочем.

– Понятно, типичный мужчина. Иногда мне кажется, что у меня мужской характер. Для меня свободное время дороже чистой плиты. И спать я люблю, – Света прикрывает рот рукой и заговорщически шепчет, – голой. А родителям ты рассказала?

– Пришлось. Мама увидела, что в шкафу нет его одежды, – я с содроганием вспоминаю наполненные ужасом глаза матери. *«Старается соответствовать стандартам и ожиданиям других людей»* – вспыхивает тест в голове. А ведь действительно! Я не хотела говорить родителям только по одной причине: не желала их разочаровывать. Я отчаянно стремилась быть такой, какой меня хотели видеть родители

– счастливой, пристроенной, замужней. Я на секунду замираю. – Это ведь всё правда! Всё про меня...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.